

ПЕРЕЗДЫ

Януш Пасерб

/перевод с польского Вл.Кучерякшице/

Януш Станислав Пасерб родился 7 января 1929 г. в Лебаве, в Поморье, его отец был специалистом по классической филологии, а мать учительница. Семья переехала в Ікачев во время II мировой войны была выселена в Ласну. После войны, вернувшись в Поморье, сдал экзамены на аттестат зрелости в Ікачеве и закончила духовную семинарию в Пельплине. Затем он изучал историю искусства в Кракове и в Варшаве, в 1958 г. был удостоен степени доктора. В 1963 г. получил степень доктора археологии в Риме, а годом позже защитил диссертацию по истории искусства на историческом факультете Варшавского университета. С 1965 года руководит кафедрой истории искусства Академии Католической Теологии в Варшаве. В 1982 г. Государственный Совет назначил его ординарным профессором гуманитарных наук. Является членом президиума комитета Нauk об Искусстве Польской Академии Наук, членом президиума польского народного комитета международной организации охраны памятников и исторических мест, членом Научного Совета Института ПАН, ПЕН-Клуба, Общества Историков Искусства, Варшавского Научного Товарищества. Опубликовал такие книги, как "Ухода памятников церковной архитектуры" /1963, 1974/, "Человек и его мир в религиозном искусстве ренессанса" /1969/, "Открытое время" /ессе, 1972, 1974/, "Город на горе" /ессе/ 1973, "Гданьский художник Герман Хан" /1974/, монография с памятниках Пеплина "Пеплин" /1978/, "Сокровища Светлой Горы", "Свет и соль" /ессе/.

Стихи стал писать и печатать поздно, в 1971 году, забросив на долгие годы юношеские пробы. Первая книга стихов Я.Д. под названием "Категория пространства" появилась в Лондоне в 1978 году. В 1980 году вышел двухязычный сборник его стихов в переводах Чарльза Ламберта, который имел заголовок "Последние вещи и другие стихи", в 1982 г. - "Сны, ти печати" /два тома в издательстве "Читательник", Варшава/, в 1983 г. "Религиозные стихи" /Познаньское издательство "Паллотинум". В 1984 г. вышло два томика стихов: "Море облаков и камня" и "Черный ящик", а также том прозы "Ветви в листья". Стихи Пасерба переводились на английский, немец-

кий, итальянский и французский языки, публиковались также в различных антологиях современной лирики.

Поэт переводил стихи с итальянского /Сальваторе Квазиньодо, Монтале, Унгаретти, Павессе, Луци, Кардарелли/, испанского /Лорка/, немецкого /Ганс Магнус Эйзенбергер/.

В книге "Свет и соль" Януш Пасерб писал о своей поэзии, не вполне соглашаясь с критиками, которые видели в нем представителя современного классицизма /напр. Зигмунд Герберт или Вислава Бемборска/: "В наше время есть достаточно много поводов для того чтобы соблюсти дистанцию по отношению к тому, что не перестает нас воодушевлять. Переиздания жизненных неудач и поражений, быстротечность времени, утрата близких... Как, впрочем, гляди на ужас нашего мира, можно беспечно щебетать? Многие современные францисканцы кажутся мне подозрительными. Сегодня нужно сберегаться и писать серьезно, трезво, чутко, недоверчиво, холодно, если уж нам пришлось жить теперь. Классичность... какая тут классичность, если мне недостает гармонии, покоя, если я очень болен, патетичен, даже криклив, если я стараюсь говорить громко и выразительно, с максимом, как бы с эвона. Это может и в самом деле выглядеть чудовищно. Так странно сочеталась во мне риторика и стыдливость, смешался крик и шепот. Может, мой классицизм в том, что мне нравится конструктивность, что я не терплю иллюзий, что я искаса смотрю на вдохновенные ассоциации и звокализы, а также всяческие витализмы, что в бормотании мне видится связь с бубнами, в которые колотят памани, чтобы усыпить разум. Я начинал с аквариев - наверное потому, что я хоторик искусства. Произведения искусства обладают силой волновать душу не меньше, чем произведения природы, которая, впрочем, сейчас становится все более естественным окружением человека. Для меня природа имеет очень большое значение: вид неба, очертания облаков и деревьев... Меня охватывает радость, когда я слышу удивительный звон капель дождя о подоконник - и все же пишу об этом редко. Я отдаю себе отчет, как чудно описали все это поэты, которые имели счастье жить в то время, когда природа была еще велика и непокорена. В последнее время, однако, я отваживаюсь писать о природе. Каждая встреча с морем для меня великий праздник. Надеженный

трагическим чувством /как и чувством юмора/ я не считал
себя пессимистом".

ДОМ

не говорил что там будет биро приходское
с подробнейшими картотеками добротелей и
заслуг

или клуб для спасенных
с чтением библии и кондиционером
не обещал дворца
с тронным залом сваренным мелостью его
не сути кафедрального собора
с речным поклонением

говорил о доме отца
говорил что будем
жить что будет это
действительно дом

МАГДЕЛНА

Магдалина с поблекшим лицом
задумалась над псалтирем
тень блогого искуства
фиолетовый бант - будто бабочка
села ей на плечо
как раз возле сердца

МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ

стинет купол зеленый неба
на деревьях почти не осталось листвы
люди в поле кончат работу
тянутся к дому
холодает
надо закутать младенца

В ТОТ ДЕНЬ

в день они были убиты все яхненпророки
а истинные отрекаться стали от пророки
— мы замкнули никто из нас не был

пророком-

затвердили все подняла ладони

и все же как толковать эти раны
— что изменило это за раны у тебя на теле —
как толковать эти раны
как объяснить эти клейма

а меч тем временем ракет
и рассеиваются огни

ХАСИДЫ В АВРОНОРУ

с чем же сравнить вас
кучка хасидов
с пейсами и в ермолках
как священники старые в плюшах черных
в белых будто пред смертью сорочках
со шнурками талеса свисающими из-под
пальто

старики со Синевой лицами склоня
юноши будто из Песни Песней
странные забытые смелые
тени в аэропорту вериавском

глядя в еврейские книги
пришли вы искать наоушуль
цадиков мертвых следы
стены плача в пустом пространстве

с чем же сравнить вас
старшие братья
как и мы неисцелимые
избранные Богом единим

обломки горы Синайской
осколки колонн Соломона
горстка булав черных
со страниц Библии сожженной

ВИЗИТ

трое...
незнакомых
тных
крылатых
наклонившись слегка
в золоте сером полудня
под дубом мраморским
предвещая спокойную радость

на иконе Рублева
ни матра...
ни Авраама

сидят
пред моим
порогом

УДЕ ПОСЛЕ ВСЕГО

тем временем прошел уже конец света
сверкнулось: одни спасены осуждены другие
а тебе все снится как Иаков с Ангелом бьется

ЭТО ЧАС

Уже уходит
Не остановит ни Бог человек ангел
волосы чьи-то благовония слезы
не посмотрит больше на детей личин птиц небесных
прокаженных неизлечимых
неразделенные хлебы

Уже уходит
под белой луной
в скорченной тени оливок
в ночи факелов скатых пальцев
Вступает в черное солнце Голгофы
но удержит
никто

ЭКСТАЗ СВ. ТЕРЕНЦИЯ

ЧТО ЭТО В ПРОМЫСЛАХ неба
ангела юной улыбкой
сходил на землю .. .
как удар пронзая нам сердце

ПСАЛОМ

ПОСВЕТИТЬ РАЗВЕ ЕСЛИ САМ ПОГАСНУ
ВОТ ОКЕАН хват ракушек камни
и языком пески шершавым дыхет
но знаю и знает это моя будет длиться
запомнила все в своей глухой работе
меня здесь нет
я где-то там за этим
на стороне обратной солнца мои кости
и ветер колет их кружа созвездия
ПОСВЕТИТЬ РАЗВЕ ЕСЛИ САМ ПОГАСНУ
